

Человек на границе системности и творчества: проблема трансперсональности

Постановка проблемы

Человек не только инициирует социокультурные практики, являясь субъектом творчества, но и сам подвергается постоянно системному воздействию социальных и культурных инноваций, испытывая на себе негативные последствия инновационной деятельности. В известном смысле он вступает в противоречие с господствующей культурой и данной социальностью, оказываясь в поле действия вырабатываемых ими стандартов, стереотипов, типовых образцов, технологических новшеств и т.д.

Культура и социальность обладают «системностью», которая ограничивает и сужает творческое пространство человека. При этом системность я понимаю в данном случае не в духе общей теории систем, а как *любое организационно оформленное социокультурное единство, обладающее иерархически сложной властной структурой, материальными и символическими ресурсами, аппаратом насилия и стремящееся установить полный контроль над своими частями и доступными ему ресурсами*. В реальном мире она воплощает в себе репрессивные функции культуры и контрольные функции общества.

Системность обладает закрытой, формальной, анонимной и нерациональной природой. По мере ее усиления пространство существования человека оказалось свернутым, деформированным. Но человек за долгие годы сосуществования с системными институтами социальности научился избегать их негативного воздействия, ускользать от прямых ударов. Он оказался более мобиль-

ным, чем громоздкая и во многом инертная социокультурная система. И все же последняя использует человеческий потенциал для создания системных технологий и инноваций, призванных ограничивать пространство свободного творчества человека.

Поэтому системному насилию и контролю подлежит не вообще творчество, а свободное творчество, осуществляемое человеком как автономным субъектом. При этом творчество я рассматриваю не просто как процесс создания нового, а как порождение нового для самого субъекта в различных видах его деятельности и конкретно-исторических условиях.

В мире, где господствуют массовая культура и институты системного насилия, человеку трудно осуществлять процесс свободного творчества, не будучи ущемленным и деформированным социальными структурами и технологиями. По словам П.С.Гуревича, «человек не только утратил идентичность. Он совсем постепенно сходит на нет. Умирает как антропологическая данность»¹. Гуревич называет это феноменом *деантропологизации человека*, имея в виду, прежде всего, утрату человеком своего физического и морального облика.

Но антропология следует собственным методологическим ориентациям. Поэтому она занимается не самим человеком, а по преимуществу его *фантомом* или следами его прошлой деятельности – «останками», «остатками» и другими артефактами. Как известно, фантом означает буквально призрак, привидение или причудливое явление. Но есть и второе значение: это модель человека или животного (или части тела) в натуральную величину, которая выставляется как наглядное пособие в паноптикумах, музеях и т.п.

Еще раз подчеркиваю: научная антропология в силу своей предметной специфики и методологических оснований изучает частичного, фрагментированного человека, расщепленного на кусочки – социальные, биологические (физические), культурные и пр. Фрагментация – бич современной антропологии и основная причина ее нынешнего кризиса. Это напоминает ситуацию в медицине, где лечат болезни по отраслевому признаку, а не человека в целом. Так и антропология изучает не человека в его целостности, а социокультурные множества индивидов, рассматриваемые в их разнообразных связях. По сути дела, это *наука об искусственном, выдуманном, вымышленном, дифференцированном и во многом выхолощенном человеке*.

Можно предложить для обсуждения две версии существования человека, сложившиеся скорее вне рамок научной антропологии, а именно в современной философии: (1) человек как случайностное существо, заброшенное в мир и затерявшееся в нем, выпавшее из потока истории и потерявшее свои жизненные ориентиры; (2) человек как исторический субъект, творец истории, имеющий миссию и преследующий свои цели и интересы. Думаю, что обе версии неполны, а интегрировать их вместе пока никому не удавалось.

В своей ипостаси индивидуального бытия в мире человек есть случайностное существо, не ведающее, для чего он создан и что он творит. В этом смысле человек, по Ф.Ницше, есть еще *незавершенное животное*; он не завершен и не может быть завершен до конца. В ипостаси же божественного предназначения человек создан Богом по своему образу и подобию, но от него самого зависит, каким он предстанет перед Господом в свой последний час.

Как писал К.Ясперс: «Человек – не просто разновидность животного; но человек и не чисто духовное существо, о котором мы ничего не знаем и которое в прежние времена мыслилось как ангел. Скорее следовало бы сказать, что человек – это нечто единственное в своем роде. Отчасти он принадлежит к разряду живых существ, отчасти к разряду ангелов, но отличается как от тех, так и от других. Богословие и философия во все времена высказывались в пользу особого положения человека; оно было поставлено под сомнение лишь в период господства позитивизма. В проявлениях своего наличного бытия человек может уподобляться животным, в основах своей природы – Божественному как трансценденции, которая, как он знает, есть источник его свободы»².

Но есть и другая модель человеческого существования, предполагающая возможность свободного выбора: каждый человек приходит в этот мир, чтобы осуществить свою миссию или *матрицу предназначения и стать субъектом истории, как своей собственной, так и общественной*. И тем самым он вписывает свое имя в историю. И кем бы он ни был – незавершенным проектом, открытой возможностью и т.д. – он должен выполнить свое предназначение. Так, многие философы прошлого, по словам П.С.Гуревича, (С.Кьеркегор, У.Джеймс, А.Бергсон, Тейяр де Шарден) полагали, что человек – истинный творец истории и собственной судьбы.

Причем эта миссия осознается человеком лишь отчасти, как его собственный *жизненный и профессиональный выбор*. В остальной же своей части она является производной от культуры или социальных условий. Субъективная составляющая миссии определяется *жизненной стратегией человека и уровнем его духовности*, а его объективная составляющая зависит от жизненных обстоятельств и условий.

Но имеется еще один смысл миссии человека – *метафизический*, который делает его стратегию практически неосуществимой. Человек, по А.Шопенгауэру, есть метафизическое существо, осознающее факт конечности своего существования. Поэтому он как существо конечное не может вообразить себе бесконечное; только став бесконечным существом, он может попытаться поймать жар-птицу за хвост – найти свой путь в бесконечность (а возможно, и в бессмертие). Но для этого ему необходимо перестать быть человеком в системном смысле, т.е. ***выйти за пределы нынешнего общества и прежней культуры с их репрессивным потенциалом, привнеся всеобщие ценности и идеалы в новую социальность***.

Удивительно, что человек, будучи связующим звеном между природой и обществом, выступает инородным существом как по отношению к первому, так и второму началам. Он лишь отчасти относится к природе, будучи сложным биологическим организмом, и к обществу, где ему отводится роль агента социальных сил.

Причем общество существует как такая часть природы, которая в своем стремлении к самодостаточности стремится, не ведая того, оборвать природную «пуповину» и окончательно потерять связь с породившим его целым. Культура, будучи искусственным образованием, присутствует в жизни человека повсеместно как определенная «рамка», не только ограничивающая творческие возможности человека, но и предоставляющая ему необходимые условия. Поэтому я, в отличие от профессора В.Л.Рабиновича, считаю, что культура и творчество находятся в разных измерениях реальности. Творчество как способ самореализации человека лежит в сфере его персональной реальности. Это штучное производство, а культура образует собственную сферу, регламентируя и опосредуя взаимодействие человека с миром. Она тиражирует типичное, узнаваемое, поддающееся регламентации и нормативной регуляции.

В культуре господствуют стили, образцы, каноны и пр. Именно там имеют место типичные, унифицированные представления человека о мире, в котором недостаточно пространства для реализации творческих индивидуальностей. Культура типизирует, упрощает, реифицирует жизнь, отбрасывая все индивидуальные различия. И все же культура и творчество – не антиподы, а взаимодополняющие явления. Культура не означает смерть творческого человека. Но она бальзамирует, замораживает творческую сущность человека, оставляя потомкам лишь то, что стало социально приемлемым и значимым для современников. Поэтому она оказывается не в состоянии ухватить и выразить творческий дух человека во всех его проявлениях.

Однако имеются и другие суждения, указывающие на примат социальности (и культуры) по отношению к личности. Так, омский профессор В.И.Разумов полагает, что социум как объект познания является более сложным, чем человек, который инкорпорирован в него как одна из ветвей эволюционного ряда наряду с коллективами и экосферами, что вызывает у меня недоумение. Конечно, все зависит от точки отсчета: можно и кошку считать более сложным существом, чем человек, и в этом будет своя доля истины. Но чтобы человек, обладающий всей мощью интеллекта и силой духа, оказался не сопоставимым по своей глубине и сложности с созданным им же самим социумом – это уже явное преувеличение.

Ведь социальностью обладают и животные. И, возможно, человек духовнее, чем обезьяна, но вряд ли он социальнее ее. Мы можем найти массу примеров того, что социальный порядок в стаде обезьян гораздо более устойчив и предсказуем, чем в обыкновенной человеческой толпе.

К сожалению, мне приходится констатировать, что социоцентризм как исследовательская ориентация и организационная практика прочно вошел в умы многих социальных ученых и чиновников и пока не изжил себя окончательно. И не стоит питать иллюзии относительно природы социоцентризма, который оказывается хорошей питательной средой для этатизма и псевдоколлективизма. Необходимо понять, как и почему человек, сопротивляясь системному воздействию культуры и социальности, уходит в мир инобытия, поднимаясь на высоту всеобщих интересов человечества.

Метафизический контекст проблемы трансперсональности

Моя задача заключается в том, чтобы обосновать в данной статье следующий тезис: *трансперсональность выступает как уровень (ступень) становления и существования человека как родового субъекта при условии его сознательного восхождения от индивидуального (частного) ко всеобщему через повышение гражданской активности и творческой самодетельности.* А это возможно в свою очередь путем преодоления системного насилия со стороны культуры и социальности, что и делает человека не просто субъектом истории, но и творцом судьбы всего человечества.

Как считает П.С.Гуревич, «человек остается частью природы, он неотторжим от нее, хотя и понимает, что “заброшен” в мир в случайном месте и времени, осознает свою беспомощность, ограниченность своего существования. Он единственное животное, для которого существование – проблема: он ее должен решить, и от нее нельзя никуда уйти. Все, что есть в человеке, как бы отрицает самого себя»³.

И решить проблему своего существования человек может исключительно как существо духовное и метафизическое. И в этом, а не только в социальной природе, следует искать его родовую сущность, отличную от сдерживающих его развитие системных атрибутов культуры и социальности, «преодоление» которых возможно в рамках трансперсональной реальности.

Мне не очень нравится термин «духовность», который в светском понимании чаще всего трактуют как высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности. В религиозной же традиции духовность тесно связана с опытом постижения сакрального. Полагаю, что ни то, ни другое понимание духовности не раскрывает сути особой, запредельной, транспарентной («сквозной») реальности. Поэтому я предпочитаю термин **трансперсональность**, сопряженный по смыслу с индивидуальным поиском и личностным переживанием человеком универсальных форм и правил бытия посредством данной ему культуры, а иногда – вопреки ей. Это – *стремление привнести себя в мир, преодолеть его пространственные и временные границы, выйти за пределы обыденного и культурно узаконенного поведения в сферу иного.*

В этом смысле трансперсональным считается поведение любого человека, который сознательно ставит на первый план универсальные смыслы (идеалы и ценности), а не религиозные, этнокультурные, корпоративные, групповые ценности, преодолевая тем самым культурные «барьеры» и социальные «перегородки». Ведь далеко не всякая культура духовна. Например, культуру обустройства фашистских концлагерей вряд ли можно считать духовной. Трансперсональность противостоит материальному, чувственному и осязаемому, устанавливая свои пределы, выходящие за рамки существующей культуры. Именно она придает социальности **человекосоразмерное бытие**. Приобщение к универсальным смыслам бытия делает человека трансперсональным существом, а не просто социальным атомом или агентом культуры⁴.

Трансперсональность – прорыв на теле социокультурной реальности, прорыв в мир «мирового разума», «абсолютной идеи» Гегеля или «объективных мыслительных форм», если использовать выражение Э.Ильенкова. Для характеристики данного феномена вполне можно использовать термины «всеобщее», «родовое», «универсальное», которые имеют надисторическое значение.

Трансперсональность связана по сути с родовой сущностью человека. Она воплощается в историческом плане в понятии гражданственности, назначением которой выступает становление родового человека.

Человек, по Гегелю, может достичь *родовой сущности* лишь путем преодоления своей эмпирической сущности, путем ухода от всех форм материальной, предметной зависимости и углубления в свое самосознание. По Марксу, свобода есть *родовая сущность* всего человеческого бытия.

Родовой человек – это свободный человек, преодолевший прямую зависимость от природы и социума, а также освоивший достижения всего человеческого рода ради достижения всеобщих интересов человечества и конкретных людей. Трансперсональность означает обретение человеком своей родовой сущности и его превращение в гражданскую личность, способную к служению всеобщим интересам.

Трансперсональность означает переход на уровень родового творчества человека. Можно предположить, что творчество человека в обществе проходит в своем развитии три стадии, или ступени, различающиеся между собой уровнем или масштабом социокультурных изменений.

1. Ступень *индивидуального творчества*, осуществляемого человеком в соответствии с его потребностями и интересами и затрагивающего непосредственное социальное окружение.

2. Ступень *социального творчества* жизни людей, представленная на современном этапе разнообразными формами гражданской активности и общественной самодеятельности. Ей соответствует в настоящее время такая конкретно-историческая форма социальности, как гражданское общество – социальная организация, сложившаяся на стадии индустриального развития западной цивилизации и характеризующаяся наличием автономных субъектов (индивидов, групп, социальных классов и организаций), имеющих самостоятельные и независимые от государства (и других системных институтов) источники существования.

3. Ступень *творчества родовой жизни* людей, поднявшихся в своем духовном развитии до осознания общечеловеческих интересов и взявших на себя бремя ответственности за судьбу всего человечества.

Родовая жизнь человека, ставшая предметом его творчества, соответствует обобществленному обществу, преодолевшему национальные и культурные перегородки и превратившемуся в общечеловеческую цивилизацию («всемирное гражданское состояние», по Канту) благодаря коллективному разуму жителей всей Земли.

Схематически можно представить творческую направленность трансперсональности следующим образом: *гражданская личность* как качество и способность человека подняться над индивидуальными и групповыми интересами в сферу социального и исторического творчества, в которой он приобретает статус представителя всего человеческого рода (единичное); *гражданственность* как выражение идеи служения родовым интересам всего человечества в конкретных условиях места и времени (особенное); «*мировой разум*» как пространство «объективных мыслительных форм» и сфера родового творчества (всеобщее).

Таким образом, трансперсональность формируется, с одной стороны, как трансцендентная реальность (метафизическое измерение – «мировой разум» и пр.), а с другой, как историческая реальность, воплощенная в понятии «гражданственность» (историческое измерение). Именно гражданское общество, возникающее на определенном этапе общественного развития, становится ареной исторического творчества людей, поднявшихся на высоту родовых интересов.

Трансперсональность и миссия человека в социальном мире

Обратимся к метафизическим аспектам проблемы трансперсональности. Интересно, но факт: значительная часть миссии или матрицы предназначения человека находится именно в трансперсональной плоскости. Она выходит за рамки его индивидуальных и групповых интересов, выступая особой проекцией «высших», всеобщих и универсальных смыслов на его жизненный путь.

Одним из условий трансперсонального существования человека является принятие другого, толерантное отношение к социокультурному разнообразию мира людей. В контексте трансперсональности персональная реальность одного человека дополняется и проникается персональностью другого, а их совокупный опыт поднимается на высоту родовых интересов человечества. Подлинный смысл трансперсональности заключается в служении общечеловеческим интересам независимо от того, чем и как занимается человек.

Каким же образом человек приобщается к этим всеобщим, универсальным смыслам? Как и посредством чего он раздвигает пространство своего персонального бытия до масштабов трансперсональности?

Можно предположить, что трансперсональность есть переход персональной реальности в родовую сущность человека, обретение им статуса трансцендентного субъекта, преодолевающего историю. Она не имеет национальных и культурных границ, концентрируя в себе универсальные смыслы, пропущенные через ценностные фильтры самой личности. Поэтому у нее нет единого центра. Это – то, что присутствует в человеке, выходя

за рамки его персональной жизни и создавая для него дополнительные мотивационные механизмы, что делает ее значимой для других людей.

Но далеко не каждый человек оказывается в состоянии перейти в трансперсональное состояние, а только тот, кто осознанно включает в свою стратегию жизни родовые интересы человечества. Другими словами, трансперсональность входит в структуру жизненной стратегии творческой личности как субъекта родовой (всеобщей) деятельности.

Линии энергетического напряжения трансперсональной реальности задаются перспективой жизни человека или нравственными императивами, отображающими противоречивую направленность его жизни: польза – благо; хорошее – плохое; счастье – несчастье (горе).

Я убежден, что главная линия перехода человека к трансперсональному существованию проходит между ориентацией на пользу и ориентацией на благо. В современных словарях слов, имеющих общий корень «польза» (польза, полезный, бесполезный), значительно меньше, чем слов с корнем «благо».

Польза есть извлечение выгод из какой-либо ситуации или хороший результат, обладающий для субъекта полезными свойствами. Под лозунгами «жизнь ради общей пользы» небольшими организованными группами совершались целые революции, творились события, праведные и неправедные дела. Можно предположить, что многие западные общества (которые мы иногда знаем лучше собственного благодаря интеллектуальной активности их представителей) пронизаны ценностями пользы и выгоды, а культура этих обществ – прагматическим духом. «Общество получения пользы» (потребительское общество) имеет своим источником рецептивную (потребительскую) активность людей. Это общество, в котором доминируют ориентации на получение жизненных благ.

Несколько иначе обстоит дело с благом как трансперсональной ценностью. Благо – это не только то, что содержит в себе положительный смысл, служит добру и счастьем людей. Данный термин содержит в себе универсальный смысл и выражает также стремление человеческого духа к высшим проявлениям, к которым должны или могут стремиться все разумные существа. Некоторые исследователи утверждают, что именно благодеяние и

благотворение суть характерные черты российского менталитета. Не случайно это слово получило столь широкое распространение в русской православной традиции. Творить благо – это не одно и то же, что ждать благ от общества или получать их у него в обмен на свои услуги. Благое общество («общество всеобщего благоденствия») есть идеал всего христианского мира в его различных проявлениях.

Общество, в котором живет человек, он может воспринимать сквозь свои личностные фильтры также как «хорошее» или «плохое». Как известно, образы хорошего и плохого общества, входящие в представления человека, зависят от локальных и цивилизационных факторов. На локальном уровне обычный человек может, например, считать свое общество хорошим, если оно оказывается в состоянии накормить всех нуждающихся людей и обеспечить их безопасность. Хотя для «вора в законе» хорошее общество – это то, которое «живет по понятиям». С точки зрения трансперсональности хорошее общество – это то, которое основано на приоритете всеобщих (родовых) ценностей и создает благоприятные условия для свободного развития человека.

На трансперсональном уровне человек может быть счастливым или несчастным в данном обществе. Да, да, именно в обществе, а не в семье или личной жизни. Счастье, как и благополучие, – многомерный феномен. Оно встречается и в социальной жизни. Жить в обществе и быть не только свободным, но и счастливым в нем – это серьезная философская проблема. Счастье нельзя зафиксировать в виде константы или необходимой дозы, которая будет поступать регулярно из общественного котла. Оно зависит в первую очередь от устремлений и запросов человека, реализованности одного из его личностных смыслов. Это – состояние «когда», а не «почему» и «сколько», состояние, которое достигается человеком в ходе свободного (и осознанного) выбора и позитивного осуществления, как правило, одного и наиболее желательного из вариантов жизненного пути.

Трансперсональная реальность задает обществу собственные критерии, которые не ведут к достижению всеобщего счастья, а лишь ориентируют человека на подлинные смыслы и ценности бытия, поднимая его повседневность на высоту родовых интересов.

Можно предложить еще одну ось напряжения, привнесимого трансперсональностью в человеческую жизнь: господство (власть) – подчинение (зависимость). Ведь современное индустриальное общество расколото на два лагеря – управляющих и управляемых. Причем управляющих становится с каждым годом все больше и больше. А их недостаточная компетентность и преимущественная ориентация на личную выгоду создают угрозу благополучию всего общества. В последнем случае мы имеем дело не с отдельными управляющими или чиновниками, а с системой как формой институционализированного насилия над человеком.

Итак, преодоление системного насилия культуры и социума находится в сфере трансперсональности человека, в мире неподвластных системе универсальных смыслов и ценностей, разделяемых этим человеком и вовлекаемых в его личностную стратегию. С этой точки зрения жизнь человека есть конфигурация событий, осуществляемых на основе его матрицы предназначения. Каждый человек запрограммирован культурой на определенное, вполне конечное число событий (например, «делание карьеры»). И выйти из порочного круга социальных статусов, стандартов и стереотипов культуры он оказывается в состоянии только тогда, когда выходит на уровень трансперсонального существования, т.е. в сферу значимых для него общечеловеческих смыслов, которые делают осмысленной его собственную жизнь.

Гражданственность как вектор социально-исторического развития трансперсональности

Трансперсональность предполагает в социально-историческом плане формирование гражданственности человека. В формальном смысле – это качество, свойство поведения человека, проявляющееся в его готовности и способности активно участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и добросовестно исполнять свои обязанности. Трансперсональность характеризуется такими общими чертами, как сознательность и ответственность, свобода и творческая направленность, активная жизненная позиция и рефлексивно-критическое отношение к действительности, самоактуализация

(стремление человека наиболее полно раскрыть свой личностный потенциал) и самоидентичность (стремление субъекта быть в согласии с самим собой, соответствовать своему потенциалу).

В своей трансперсональной сущности гражданственность – это *форма самодетельного творчества личности* в современном обществе, которая направлена:

а) на раскрытие родовых сил и способностей людей, на воссоздание и развитие социокультурного опыта всего человечества в конкретных ситуациях взаимодействия (данном регионе, стране и пр.);

б) на включение людей в общую историю и судьбу (судьбу планеты, страны, народа, эпохи, группы и т.д.);

в) на практическую реализацию конвенциональных (взаимосогласованных) представлений людей данной эпохи о желательном для них типе (способе) человеческого общежития и развития.

В *парадигме трансперсонального существования* принципиально меняется взгляд на личность: из пассивного существа, нуждающегося в помощи, она «превращается» в реального (актуального) или потенциального носителя социально значимого качества (таланта, дарования, изобретения, проекта, инициативы, интересного дела, уникального опыта и т.д.), способного дарить его людям.

Гражданская личность (как конкретно-историческое воплощение трансперсональности) – это интенциональная личность, ориентированная:

а) на признание и воссоздание ее социального опыта, реализацию собственного *практического знания* (социальной и гражданской компетентности) в социальном мире;

б) на использование определенных *артефактов* или культурных миров (изобретений, традиций, инноваций, инициатив, уникального опыта, образа жизни, жизненного стиля, картины мира, модели культуры и т.д.);

в) на изменение (через служение) своей судьбы и непосредственного социального окружения.

Примечательно и то, что принципы *гражданского служения личности* и ее трансперсонального существования совпадают. Они гласят:

(1) все, что сделано (или делается) человеком ради других людей и общества, имеет ценность;

(2) каждый человек заслуживает уважения как реальная или потенциально «интенциональная» (способная служить всему роду) личность;

(3) каждая личность человека и ее жизненный опыт уникален и заслуживает если не признания, то понимания; необходимо помочь ему раскрывать в себе «интенциональную личность», готовую служить людям на избранном им поприще;

(4) каждая личность обладает не только «дискурсивным знанием», т.е. тем, что она может устно сообщить другому об условиях своей жизни и деятельности, но и «практическим знанием», знанием того, что чаще всего подразумевается («имеется в виду»), но не произносится вслух; такое знание обладает ценностью для субъектов социального служения как первоисточник социальных интенций;

(5) все люди связаны общей судьбой (судьбой планеты, страны, народа, эпохи, группы, семьи и т.д.) и их объединяет не только общие ценности, но и единство интенций;

(6) следует служить не вождям и не абстрактным идеям, оторванным от реальной жизненной практики людей, а конкретным людям;

(7) служить обществу можно только поддерживая все то, что создано и накоплено человечеством для успешной адаптации к окружающему миру, для его благополучия и процветания.

Разумеется, гражданственность и гражданская личность – это *идеальные типы*, как и само гражданское общество, которые не могут быть оторваны от социокультурного контекста. Их отличает от трансперсональности (как символического выражения идеи «мирового разума») историческая определенность. Так, предполагается, что гражданское общество, устанавливая свои социокультурные пределы, превращает людей в субъектов исторического творчества. Но оно не может решить все проблемы их социального существования – неравенство, бедность, коррупция и пр. Нельзя сделать всех людей счастливыми, активными и свободными в отдельно взятом обществе. Предполагается также, что трансперсональность как способ преодоления системных противоречий выходит за рамки исторического измерения, что означает вместе с тем и изменение самого типа субъектности: из исторического субъекта человек становится трансцендентным субъектом. Но последний тезис требует дополнительного обоснования.

* * *

Итак, между системными воздействиями культуры и социальности (в т.ч. инновациями) и процессом творчества самого человека обнаруживается противоречие, которое возможно преодолеть путем его трансперсональных интенций и усилий.

И все же выводы о возможности обойти полностью системное насилие культуры и социальности, а также негативное действие их инноваций посредством выхода в трансперсональное состояние делать еще рано. Проблема трансперсональности не изучена основательно, хотя она и не нова для науки, в частности психологии. Но ее решение требует комплексного, философского и социально-научного анализа. На первый взгляд, выйти за пределы данной культуры можно только в иную культуру. Да, действительно, трансперсональному состоянию человека предшествует уровень метакультуры, в рамках которой проявляются надличностные и надсоциальные смыслы. От культуры нельзя убежать, но ее можно изменить, что и предполагает процесс социального и жизненного творчества.

Примечания

- ¹ См.: *Гуревич П.С.* Новые темы философской антропологии. Очерк 1. Феномен деантропологизации человека // *Личность. Культура. Общество.* 2009. Вып. 1. № 46–47.
- ² *Ясперс К.* Общая психопатология. М., 2007. С. 40.
- ³ См.: *Гуревич П.С.* Новые темы философской антропологии. Очерк 1.
- ⁴ Вопрос о том, где «хранятся» эти универсальные смыслы, я оставляю открытым. Для одних людей они имеют истоки в мире божественного, для других – в самой культуре.